

ПРОЛОГ

Я пью кофе с другом-статуей.

— Неплохо, верно? — говорю я. — Может, не так мило, как в Caffè Americano...

Мой друг и не думает смеяться в ответ. Он никогда не отличался хорошим чувством юмора.

Я со вздохом ставлю бумажный стакан обратно на стол. Прямо передо мной — старомодный телевизор с выпуклым экраном, и в нем отражается вся комната: ветхая панельная обшивка, блестящая, серебряного цвета дверь, древний диван, обитый узорчатой тканью, и я — за круглым столом, в центре всего этого. Если я сижу совершенно неподвижно, мое отражение кажется каменной статуей.

Машу рукой. Мутная рука машет в ответ.

Ага. Вот что бывает с людьми, в распоряжении которых слишком много свободного времени, — они разговаривают сами с собой и дружат с собственным отражением.

Выходя из этого состояния, перестаю притворяться, будто стакан с водой — это кофе, и беру кисточку для рисования. Я настроен завершить сегодня автопортрет или, по крайней мере, добиться того, чтобы стало понятно, что я рисовал человека. Изучаю свое лицо на экране теле-

визора, но оно напоминает отражения в комнате смеха, и потому мое творение выходит неровным и безликим, подобным зеленоглазой тени.

— Может, мне лучше заниматься тем, что у меня хорошо получается.

Опускаю кисточку в воду, мою, а затем опускаю в синюю краску и начинаю наносить на тень-мальчика короткие мазки. Я так сосредоточен на этом занятии, что едва замечаю, как серебряная дверь у меня за спиной открывается.

Мои глаза вновь находят телеэкран, и какую-то секунду мне чудится, будто на пороге стоит статуя-папа. Но потом он шевелится, входит в комнату и ставит термос на стол рядом с моими акварельными красками. Иллюзия разрушается. Я поднимаю на него глаза, он ерошит мне волосы большой рукой, пахнущей машинным маслом.

— Ты целый день этим занимаешься? — спрашивает он, расстегивая верхнюю пуговицу на фланелевой рубашке.

— Да, сэр, почти.

Он, улыбаясь, сжимает мое плечо и показывает на коричневый бумажный пакет у него в руке.

— *Это...* — спрашиваю я как можно осторожнее, — сюрприз для меня?

Радостное выражение исчезает с его лица, а это значит, что спросил я недостаточно осторожно.

— В чем проблема? Ты же понятия не имеешь, что это такое.

— Когда ты утром сказал *сюрприз*... я подумал...

— Ты хочешь выйти на улицу.

Я молчу, а это то же самое, что «да».

Он роняет пакет на стол и тяжело опускается на стул напротив меня.

— Сам знаешь, это небезопасно.

— Всего на несколько минут. — Я пытаюсь не ныть, что очень трудно, потому что чувствую себя совершенно несчастным. — Никто меня не увидит.

— Мы не можем так рисковать.

— Но...

— Я сказал *нет*.

Смотрю на столешницу. Ничего не могу с собой поделать.

— Собираешься дуться?

— Не собираюсь.

— Тогда поменяй выражение лица.

Иногда выполнить подобный приказ невозможно, словно он велит мне превратиться в кого-то другого. Но я сосредоточиваюсь, расслабляю брови и губы. Перенастраивая все клетки лица, принимаю виноватое выражение.

Он двумя пальцами постукивает по пакету.

— Тебе не интересно, что здесь?

— Да, сэр, интересно. Я просто хочу...

— Хватит, — зло говорит он. — Ты не можешь получать все, что захочешь. А теперь дай мне свою ногу.

Я незаметно вздыхаю и стараюсь смотреть на него пустыми глазами.

Потом разворачиваюсь на стуле и вытягиваю ногу. Его пальцы касаются моей кожи. Он вынимает из кармана связку ключей, перебирает их и снимает у меня с ноги оковы. Нога теперь свободна, и я потираю лодыжку, кожа на которой слегка воспалена.

Он продолжает наблюдать за мной, я чувствую это, — и потому, подавив вздох, изображаю на лице благодарность и говорю:

— Спасибо.

ОДИН

— Притормози.

Я раздраженно фыркаю и смотрю на спидометр. Не очень уж быстро я еду, а даже если и так, то с какой стати Лекс может командовать мной в моем собственном автомобиле?

Решив промолчать в ответ, я улыбаюсь Брие, сидящей рядом и радующейся жизни, словно мы едем на какую-то вечеринку, а не в школу, где нам предстоит пережить первый день в одиннадцатом классе.

Она скрещивает длинные ноги, ее темно-русые волосы волнами падают ей на плечи, она поправляет очки в черной оправе, которые носит исключительно из эстетических соображений. Ей нравится внезапно снимать их и поражать всех своей красотой. Это смешно, потому что особой разницы между нею в очках и без очков нет, в любом случае она выглядит потрясающе и похожа на эталон американской девушки с обложек модных журналов.

— Ты что, совсем не волнуешься? — спрашивает она.

Люк просовывает между ними свою лохматую блондинистую голову.

— Я волнуюсь!

— Это видно, — поддразниваю я его. — На тебе твоя лучшая рубашка со «Звездными войнами», и вообще...

Он весело кивает, а затем снова начинает обниматься с Лекс на заднем сиденье.

— Ты можешь поверить этому, Сайе? — Бриа сжимает мне руку. — Наконец-то нас допустят ко двору!

— Ко двору?

— Конечно, я пока еще не могу быть королевой на школьном балу — до тех пор, пока мы не станем двенадцатиклассниками. А вот принцессой — запросто!

— Ты уже принцесса, — говорю я ей, и она хлопает своими длиннющими ресницами, которые нарастила на прошлой неделе. Ее блестящие красные губы быстро-быстро двигаются — она рассказывает мне, какой будет тема бала и что мы должны сделать, чтобы наши наряды сочетались по цвету, ведь *мы запомним этот вечер НА ВЕКИ ВЕЧНЫЕ!*

Я, честно говоря, не понимаю, почему ее так волнует еще одна школьная вечеринка. На них никогда ничего интересного не происходит. Все та же дрянная музыка и сексуально подавленные учителя, следящие за тем, чтобы, танцуя, никто не жался друг к другу и не получал таким образом никакого удовольствия.

— У нас в запасе шесть недель, — напоминаю я ей.

Она тарачит свои карие глаза.

— Ты прав! Нам столько всего еще надо сделать!

— Тебе нужно купить платье, а что еще?

— Да уж поверь мне, дел тут выше крыши. — Она треплет меня по плечу, словно мое невежество в этом вопросе поистине очаровательно.

— Ну, я должен спланировать афтепати.

— Но у тебя же целая команда помощников.

— Правда? — в разговор встревает сидящая на заднем сиденье Лекс.

Бриа кивает ей и снова обращается ко мне:

— Держу пари, ты будешь принцем, Сайе.

Я корчу гримасу. Король — это клево, но ребенок короля? Вовсе нет.

— Ага, наверное, — тем не менее соглашаюсь я и смотрю в зеркало заднего вида как раз в тот момент, когда Лекс округляет глаза.

Бриа оборачивается.

— Эй, Лекс, ты уже выбрала себе платье?

— Не уверена, что мне есть с кем пойти, — отвечает Лекс, и Люк тут же заверяет ее, что конечно же есть, но он должен сообразить, как пригласить ее наилучшим образом. Еще один взгляд в зеркало, и я вижу, как они улыбаются, глядя в глаза друг другу, будто это будет день их свадьбы.

— А ты? — Бриа обхватывает пальцами мое бедро. — Ты собираешься пригласить меня как-нибудь *поромантичнее*?

И не успеваю я ответить, как Лекс предостерегает меня:

— Если ты не притормозишь, нас оштрафуют.

— Сайе... — слышу я голос Люка. — Может, тебе действительно стоит сделать это.

Ловлю его взгляд в зеркале и хмурюсь. Мы с ним лучшие друзья с еще дошкольных времен, и он никогда прежде не выносил мне мозг — до тех пор, пока этим летом сюда не приехала Лекс. Она образовалась на праздновании Четвертого июля на городской площади, вся такая непростая и хорошенькая, как модель — с идеальными скулами и русалочьими волосами, и, выбрав *Люка*, потянулась к нему. Классно, что у него есть теперь подруга. Seriously. Но я не понимаю, почему это должна быть девушка, постоянно бросающая на меня презрительные взгляды.

— Все *прекрасно*, — буркаю я. — Нас не остановят. И не оштрафуют.

И тут слышу вой сирены.

— О боже! Я же говорила! — Лекс явно вот-вот психанет, и Люк начинает бормотать, что все обойдется, а я тем временем съезжаю на обочину.

Бриа со скучающим видом проверяет телефон:

— Надеюсь, мы не опоздаем. У меня до занятий собрание школьного совета.

— Не опоздаем. — Я быстро целую ее. — Все хорошо.

Позади меня что-то громко бухает, я поворачиваюсь и вижу, что невероятных габаритов коп стучит дубинкой по тонированному окну. Нажимаю на кнопку, чтобы опустить стекло, он втискивает верхнюю часть тела в салон, а я вспоминаю, как ездил на сафари и лось сунул голову в наш автобус.

— Ты имеешь представление, с какой скоростью ехал? — рычит коп Лось.

— Да, приблизительное.

Он, похоже, на секунду теряет дар речи, а затем выходит из себя. Я остаюсь совершенно спокойным, и он опускает на нос очки и отчитывает меня, желая, по всей видимости, напугать как следует.

У него не получается.

Мы смотрим друг на друга до тех пор, пока его взгляд не падает на мой ярко-красный «Астон Мартин», а потом он опять смотрит на меня, и я распознаю хорошо знакомое мне выражение. Он *завидует*.

— Права и техпаспорт.

Вручаю их копу и тут же понимаю, что ему известно мое имя. Сайерс Уэйт.

На его лице высвечивается сразу несколько эмоций, а затем он возвращает мне карточки.

— Ограничусь предупреждением. Но тебе необходимо следить за тем, с какой скоростью едешь.

И он в раздражении отходит от машины.

Выезжаю обратно на дорогу, и Лекс спрашивает, медленно и ошеломленно:

— И что это было?

Бриа многозначительно улыбается ей.

— Тебе предстоит еще многое узнать об этом городе.

Мы находимся в квартале от школы, когда Бриа открывает окна шире и делает музыку громче. Стайки ребятишек оборачиваются и смотрят, как я мчусь мимо бронзового льва у главного входа и заезжаю на ученическую автостоянку.

Глушу двигатель, выбираюсь из автомобиля, и его тут же окружают мои друзья. От всех них исходит химический запах новой одежды и средств для волос. Бриа, оказавшись в своей стихии, переходит от человека к человеку, я же остаюсь с Люком и Лекс и вынужден смотреть, как они шепчут что-то друг другу на ухо.

Должно быть, у меня странное выражение лица, потому что Люк морщит в беспокойстве лоб.

— Эй, тебе одиноко? — спрашивает он без тени сарказма и кладет руку мне на плечо.

Я пытаюсь увернуться от него — невозможно выглядеть клевым, когда кто-то сочувственно обнимает тебя. Люк улыбается, будто я веду себя смешно, но руку убирает. Я пытаюсь принять более уважаемую позу и вижу приближающегося к нам Гаррета. Он в простой белой рубашке с закатанными рукавами, словно бриолинщик из пятидесятих годов прошлого века. Его густые черные брови слегка хмурятся, и он, что очевидно, взволнован не меньше меня.

— Привет. — Он прижимает свой большой кулак к моему кулаку. — Будешь в этом году ходить на силовые тренировки?

— Э. Нет. — Не могу представить, что пользуюсь спортивным оборудованием, пропитанным чужим потом. — А ты?

— Буду. Теперь я выжимаю триста фунтов лежа.

Я опять-таки не могу представить себя сидящим рядом с Гарретом и пытающимся повторить его достижения. Некогда мы с ним оба были мальчишками чуть ниже среднего

роста, но ему повезло, и он продолжал расти, а мой рост оставался неизменным.

— Лекс! — зовет Бриа. — Если ты хочешь успеть на собрание, то нам, пожалуй, пора.

Люк отпускает руку Лекс и смотрит, как девочки исчезают в здании школы. Глаза у него жалобные, словно у брошенного под дождем щенка.

— Значит... — говорит ему Гаррет, — у тебя новая девушка?

Люк немедленно настораживается:

— А что?

— Просто удивлен.

— Почему?

Гаррет пожимает плечами.

— Очень уж она важничает. Говорит исключительно о Нью-Йорке, словно слишком хороша для кого-то из Техаса.

Лицо Люка освещает понимающая улыбка:

— Хочешь сказать, она тебя отшила.

— Она *не против*. Но я с Мариссой. — Глаза Гаррета прикрыты, но я замечаю мелькнувшее в них раздражение и издаю тихий стон. Мы не пробыли в школе и получаса, а он и Люк успели сцепиться. — Лекс известно, что ты Люк Биуокер?

Может, Люка и достает, что его так называют, но он не показывает вида.

— Гаррет, ты ведь в курсе, что у нас на дворе двадцать первый век, верно? — Он раскрывает руки, словно хочет обнять весь мир. — Сексуальность переменчива.

— Ага, может, для тебя оно и так. А я говорю, Лекс считает, что ей никто в подметки не годится, вот и все.

С лица Люка не сходит сияющая улыбка.

— Нет, не согласен. Просто у нее совершенно особенный вкус.

Я, удивленный, хлопаю его по спине.

— Да, она западает на тощих ребяташек, обожающих Йоду. Честно, Люк, она может оказаться твоей *единственной надеждой*.

Его взгляд загорается, когда он слышит эту безобидную отсылку к «Звездным войнам», но тут звенит звонок, и его лицо становится более серьезным:

— Ну ладно, одиннадцатый класс. Вот они мы.

Не знаю, кому пришла в голову гениальная идея собрать всех учеников в одном зале — в августе и под плохо работающим кондиционером, — но мой нос морщится от запахов дешевого дезодоранта и тысячи потных маек.

— Давай выберемся отсюда, — говорю я сидящему рядом со мной Гаррету. И он тут же начинает осматривать своими бледно-голубыми глазами помещение по периметру, напоминая мне снайпера.

Люк бросает на меня возмущенный взгляд.

— Это же *первый* день.

— И что?

— А то, что мне не нужны неприятности. — Люк твердит мне это с тех самых пор, как я хотел стянуть из класса песчанку. Нам с ним было тогда по пять лет.

— Тебя никто не спрашивает, — выразительно смотрит на него Гаррет.

Люк кривит губы и складывает руки на груди.

— Учителя все равно перекрыли все выходы.

Я оглядываюсь. Как ни печально, но он прав.

Я все еще пытаюсь обнаружить путь к спасению, когда в зал входит Марисса с телефоном в руке.

— Привет, Сайе! — Она улыбается и перелезает через мои колени, чтобы сесть рядом с Гарретом, и я понимаю, что он не врал, потому что эти двое немедленно начинают целоваться так усердно, что создается впечатление, будто они способны сделать друг другу больно.

Рядом садятся другие наши друзья, но я понятия не имею, где Бриа. Продолжаю оглядывать зал и морщусь, когда мой взгляд падает на Эбби Уайтли, агрессивную христианку, пытавшуюся затащить меня в ее церковь, когда мы учились в средних классах.

Кто-то стучит по микрофону, и я смотрю на сцену. Директор Гардинер, одетый в мятый коричневый костюм, прочищает горло.

— Рад снова видеть вас, ученики старшей школы «Лорел», — произносит он, и зал молчит достаточно долго для того, чтобы он успел объявить, что у него есть для нас настоящий подарок — он готов ознакомить присутствующих со всеми факультативами, которые можно будет взять в этом году.

Фантастика.

Мгновение спустя по залу начинает вышагивать театральный клуб. У них даже походка театральная, словно они учились ходить в классе, а не в реальной жизни.

Снова ищу глазами выходы. Они по-прежнему заблокированы.

Участники театрального клуба разыгрывают до смешного длинный скетч о необходимости подальше держаться от такого зла, как наркотики. Мы ерзаем на месте и таращим глаза. Потом они играют сцену похорон из «Стальных магнолий»¹, и строгая, но справедливая публика начинает свистеть.

Дальше все идет по нисходящей. Появляются члены певческого клуба, шахматного клуба, компьютерного клуба, и публика ведет себя все наглее и все больше напоминает героев из «Повелителя мух». Когда какой-то чувак советует музыканту, как ему следует поступить с флейтой, к зрителям тяжелой походкой вновь выходит директор школы.

---

¹ Кинофильм Герберта Росса (1989). Экранизация одноименной пьесы Роберта Харлинга. Мелодрама.